

Никакого «абы-как»

Южнорусская школа

Автор предлагаемых вниманию читателя воспоминаний о художнике П. А. Нилусе – Павел Александрович Михайлов. До революции – приват-доцент юридического факультета Новороссийского университета. Был близок кругу южнорусских художников, занимался коллекционированием предметов старины и был знатоком западноевропейской гравюры.

В начале 1920-х годов П. А. Михайлов был выслан из Одессы за границу. П. А. Нилус в своих письмах из Парижа в Одессу неоднократно упоминает его как хорошего друга и знающего антиквара. В конце 50-х годов, после смерти П. А. Нилуса, Михайлов передал вдове художника Б. С. Голубовской рукопись своих воспоминаний о нем. Позже рукопись попала в собрание известного киевского искусствоведа В. А. Афанасьева. С его любезного разрешения мы публикуем воспоминания на страницах альманаха.

Здесь же мы помещаем фотографию трех друзей – П. А. Михайлова, И. А. Бунина и П. А. Нилуса – из архива Одесского художественного музея, куда она попала в 1979 году из Парижа от дочери художника П. А. Нилуса – В. Л. Голубовской.

Виталий Абрамов

Воскресенье, 15. 6. 58

Париж

Б. С. Нилус

1, час Jagues Offenbach Paris XVI.

Дорогой друг,

Согласно данному Вам обещания, хочу рассказать Вам о моем наиболее тесном общении с Петром Александровичем в дружеском кругу его приятелей, объединявшихся в течение долгих лет каждое Воскресение за круглым обеденным столом в особняке Евг. Ос. Буковецкого. Если не

ошибаюсь, в 908-м году Е. О. Буковецкий писал мой портрет, выставленный на одной из выставок Южнорусских художников. Тогда же, а может быть и раньше, я познакомился у него с П. А. Знакомство это по взаимному расположению скоро развилось в дружеское общение: мы прожили тогда целое лето на соседних дачах Большого Фонтана, встречались чуть не каждый вечер. К тому же времени относится и знакомство мое с их ближайшими друзьями-художниками Т. Як. Дворниковым, Эгизом, Стилиануди и Вл. Хр. Заузе, а позже и с другими участниками содружеских трапез-бесед, еженедельно собиравшихся в гостеприимном особняке Ев. О. Буковецкого, к участию в которых был привлечен и я, в ту пору (с 1907 г.) начавший молодым доцентом читать в Университете лекции по уголовному праву. Скажу два слова о «протогонистах» этих встреч. Не мог никогда представить себе Буковецкого без Нилуса и обратно. Оба они удивительно дополняли друг друга: и физически, и морально. Буковецкий — хрупкий, худощавый — производил впечатление человека нежного здоровья, П. А. — коренаст, плотнее и ростом пониже. Б. был нервнее, беспокойнее, Петя более положительен, более устойчив во мнениях. Дружба их всем нам представлялась незыблемой, хотя они и не всегда, конечно, во взглядах своих были согласны друг с другом; но никто из нас не замечал, чтобы они подолгу могли «дуться» друг на друга.

Товарищеские трапезы-беседы продолжались очень долго: не менее трех часов. Садись за стол в 6 — вставали в девять. Само собою разумеется, большая часть этого времени занята была дружеской беседой — преимущественно на темы, относящиеся к искусству и литературе. Вошло в обыкновение предоставлять каждому участнику «слово» о том, что особенно привлекло его внимание за прожитую неделю и о чем ему хотелось бы поделиться мыслями и впечатлениями с приятелями. При обсуждении сообщенного возникали порою разногласия, но я не помню случая, чтобы они доходили когда-либо до острых пререканий: атмосфера участливого содружества не допускала их... и если бы кто по излишку темперамента и дозволил бы себе сказать лишнее, то немедленно последовало бы товарищеское предостережение, укрощающее строптивость. Должен сказать, что уже одно присутствие за столом всегда сдержанного, чуткого и не теряющего равновесия П. А. действовало умиротворяюще. Ему редко приходилось просить увлекшихся ораторов «сократить» себя или заявить увлекшимся ораторам: «и не пора ли нам «переменить пластинку» (так называл он «громозфонный диск»). — Особенно оживленны

П. НИЛУСЪ

НА БЕРЕГУ МОРЯ

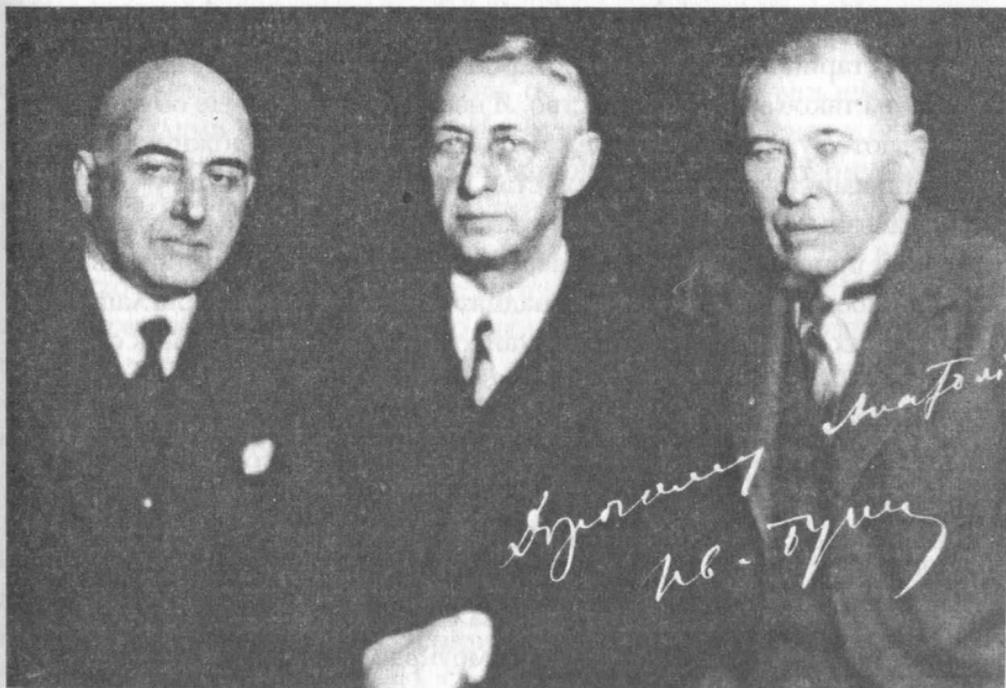
РАЗСКАЗЫ

Т-во «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ»

(1916г.)

Слева направо: П. А. Михайлов, И. А. Бунин, П. А. Нилус

были собеседования в канун «вернисажей» худож. выставок (Южнорусского Общества). Тут, разумеется, шли разговоры о доставленных для развески картинах, об их качествах, о новых «течениях» и «влияниях», о новых экспонентах. В обсуждениях этих принимал живое участие приезжавший к этому времени из Николаева художник Лепетич, вечно юный, экспансивный, заражавший всех своею веселостью и духом настоящей богемы, а контрастом ему мог служить приезжавший из своего далекого загородного дома старейшина в семье одесских художников академик К. К. Костанди, особенно чтимый своими братьями и учениками. Своей степенной внешностью, скромностью и простотою своего обращения и речи он внушал всем большое к себе уважение.

Кроме названных выше шести художников (Буковецкого, Нилуса, Дворникова, Эгиза, Заузе и Стилиануди), к числу постоянных участников дружеских трапез входили общий друг, как и мой, Анатолий Вл. Васьковский, адвокат, большой любитель всякого искусства, особенно художественной старины (русского фарфора в особенности). Большим любителем и собирателем художественной старины был и хозяин дома Е. О. Буковецкий, хорошо разбирался в ней и П. А. Нилус (он собирал древние иконы). Это они «заразили» меня любовью к «старине» и редкостям — увлечение опасное для человека, определившего себя для занятий наукой. Для меня эта раздвоенность между наукой и книгой, с одной стороны — искусством и худож. стариной, с другой, стала хронической. Не всякому по силам и по средствам такое совмещение. Я не жалел и не жалею об этом, хотя бы уже потому, что «увлечение» это сблизило меня с художниками и с их ближайшими друзьями. Я скоро стал восьмым постоянным участником их затрапезных собраний у Буковецкого. Кроме восьми «постоянных», Буковецкий приглашал еще не менее двух лиц — за большим круглым столом нашлось бы место и для двенадцати человек. Среди приглашенных чаще других бывал Александр Михайлович Де-Рибас — потомок славного адмирала Де-Рибаса — одного из основателей города. Ал. Мих. Де-Рибас был, можно сказать, историографом города. Ему было поручено составление обширного труда по истории города за сто лет его существования и развития. Громадный том этот был издан на средства городского самоуправления. Широко образованный и много видавший на своем веку А. М. Де-Рибас своим живым и занимательным разговором всегда приятно овладевал общим вниманием. Бывал на обедах Вл. Павл. Куровский, заслуженный работник городского самоуправления и большой друг и по-

читатель художников; друг Ив. Ал. Бунина, он совершил с ним путешествие по западной Европе. Неожиданно, загадочно оборвалась жизнь этого умного и, казалось, любившего жизнь человека. Может быть, кто-нибудь из самых близких к нему лиц мог дознаться до подлинной причины его самоубийства в день выхода в поход того запасного полка, в который он был призван. Вспоминаю посещения (один-два раза в год) добродушного кузена Петра Александровича, привозившего из деревни малороссийскую колбасу и прекрасное свиное сало; на нас, засидевшихся в городе, веяло от него степным раздольем и всем довольством, которое может дать земля рачительному хозяину. Позднее, я встречался на обедах со всем нам приятным собеседником доктором Ив. Степ. Назаровым, ассистентом клиники, который так же, как и я, дорожил общением с вольной средой преданных искусству людей, бывал в кружке Буковецкого-Нилуса и музыкальный критик и сотрудник «Одесских новостей» популярный в городе Д-р А. Цыновский. Не раз я встречал и живших в Одессе писателей — уроженца города Семена Соломоновича Юшкевича и имевшего собственную дачу на Большом Фонтане Ал-ра Митроф. Федорова. И тот, и другой были особенно близки Петру Александровичу. В лице П. А. мы имели общение не только с большим художником-живописцем, старавшимся развить все шире и глубже свой большой талант, — Нилус был большой любитель серьезной музыки и компетентным ценителем ее исполнителей, сам литератор и критик, он был ценим и уважаем такими представителями литературы как Ив. Бунин, Ал. И. Куприн и А. П. Чехов. Не так много произведений его пера увидели свет. Нилус-художник, преданный прежде всего живописи, отодвигал на 2-й план Нилуса — любителя прекрасного в литературе и в музыке. *Ars Una-Species multae* = Искусство едино, а видов его много. Не думаю, чтобы среди богато одаренных художников-живописцев было много равнодушных к поэзии, к изящной словесности, музыке, тем более к скульптуре или архитектуре. Я уже говорил о влечении П. А., о серьезном понимании его и музыки, и всех видов литературного творчества. В Одессе я мог быть свидетелем общения и дружбы П. А. с Юшкевичем и Федоровым. Последний мог сам считать себя не только писателем романов и драматических произведений, но и художником-любителем. Живописные произведения его допускались и на выставки Южнорусского Общества художников. Я знаю, что и Ив. Ал. Бунин и Ал-др Ив. Куприн были всегда желанными гостями Ев. О. Буковецкого, но так как я в летние месяцы часто находился в науч-

ных командировках за границей, а им случалось именно в эти месяцы наезжать в Одессу, то мне к моему большому сожалению не приходилось встречаться с ними в далекие дореволюционные годы ни в особняке Буковецкого, ни летом на Большом Фонтане. Зато здесь в Париже, вдали от родины, мне особенно отраднo было видеть и наблюдать, как ценил и любил П. А-ча Ал. Ив. Куприн и как художника, и как человека-друга, и какая глубокая дружба и взаимное уважение проникали во все взаимоотношения П. А. и Ив. Ал. Бунина. Встретившись здесь в Париже, и у меня, и П. А-ча было большое желание создать хотя бы в малом масштабе объединение друзей искусства и любителей художественной, преимущественно русской, старины. Мы делали попытки объединяться, но сколько-нибудь длительного успеха они не имели. Многосложная Парижская жизнь, заботы о заработке и разнообразие меняющихся отношений с людьми мешали образованию той сплоченности, той дружеской спайки, которая так ценима была нами в Одессе и которую мы без всякого уговора заботливо охраняли. Ни ревность, ни зависть, ни неуместная подозрительность никогда не омрачали общения собиравшихся. В значительной степени обязаны этим мы были естественным, так сказать, хозяевам-инициаторам наших трапезных собеседований, их такту и сдержанности. Раньше я отметил, как хорошо дополняли друг друга Буковецкий и Никус. Утонченная и более легко возбудимая нервность натуры Евг. Осиповича умиралась уравновешенностью характера П. А-ча, присущим ему чувством меры. Уверенно говорю, что именно под его благотворным влиянием росло и крепло содружество. Он, П. А-ч, был его стержнем.

Я упомянул раньше о том, что четверо из нас «постоянных», так сказать, участников трапез увлекались собирательством и поисками разных предметов художественной старины. Мы двое приходящих, Анатолий Васьевский и Я, нередко приносили с собою ту или другую «находку» — то фарфоровую фигурку Гарднера, то миниатюру Ригга или Боровиковского, то редкий эстамп, Буковецкий показывал нам свои «приобретения» — этим занимались мы обычно перед обедом. В те годы и в Одессе увеличивалось с каждым годом число любителей старинного искусства, но уже только с начала войны т. е. с 14-го года окрепла мысль о создании кружка любителей художественной старины. Мы и были его инициаторами — и тут большое организационное участие проявил П. А-ч. Сообща выработали устав, введя в него и охрану памятников старины, и устройство выставок и лекций. Связи и знакомства П. А-ча очень помогли нам. В правле-

ние «Кружка» вошли инженер М. В. Брайкевич (перед выездом из Одессы он поместил свою ценную коллекцию картин русских художников в Музей при Историко-филологическом факультете Университета) и бывший мировой судья г. Одессы К. Г. Березовский не раз представлявший нам свой дом для собраний кружка. В дополнение к тому, что я уже рассказал Вам о «Воскресных обедах» у Евг. И. Буковецкого и их участниках скажу еще, что они не прерывались и тогда, когда с наступлением военных событий 1914-17 гг. и наступившей затем разрухи времен революции и гражданской войны, когда все стало быстро дорожать и все труднее было находить продукты питания, мы общими усилиями старались помогать нашим гостеприимным хозяевам: то один, то другой из нас привозили с собой у себя приготовленные яства, — лишь бы только не расстраивать долгими годами налаженное содружество. Иногда нам случалось всем «составом» являться по приглашению к кому-нибудь из особо расположенных к «художникам» лиц в городе, охотно предоставлявшим нам и помещение, и всяческое содействие. Тут мне хотелось бы упомянуть о трех исключительно интересных «встречах» наших у проживавшего тогда в Одессе известного в свое время всей Европе крупного пианиста ученика и друга П. И. Чайковского «Васи», как называл его Чайковский, Сапельникова. У него наши «трапезы» завершались чудными концертами фортепианной музыки. В эти тяжелые годы Воскресные встречи наши не раз устраивались и у меня, и у Анатолия Васьковского.

Помимо Воскресных объединений, создавшихся по инициативе Е. И. Буковецкого и П. А. Нилуса, в жизни одесских художников были еще традиционные «четверги» с их обязательными — не взирая ни на какую погоду — загородными прогулками. Их задачей было не только поддержание товарищеской близости и дружбы, но и — и это главным образом — общение с природой: небом, землей, морем — со всем внешним миром всегда могшим занять воображение художника и порадовать его глаз — и тем дать ему импульс к творчеству. О том, что были в жизни и творчестве Южнорусских художников эти «четверги», хорошо и не раз говорил в своих повестях и ранних романах Одесский старожил и очень плодовитый писатель (и поэт) А-др Митроф. Федоров, совмещавший в себе и дарование художника-пейзажиста. Кружок художников-«четвергистов» образовался раньше моей одесской оседлости, моего знакомства с П. А. Нилусом. А. М. Федоров вошел в него с самого его основания. Всего было тогда 13 участников. Федоров называет их журав-

лями — 13 журавлей! В мои годы мне уже не приходилось слышать этого наименования-клички, но «четверги» продолжали свое существование, да и упоминаемые Федоровым рестораны Доди и Кузнецова, где завтракали перед «прогулкой» художники, существовали тоже, хотя в мое время художники и их друзья больше ходили, особенно по вечерам, в «пивную» Брунса, что была во дворе большой усадьбы дома Вагнера, выходящей на три улицы (Дерибасовскую, Екатерининскую и Ланжероновскую). Романы Федорова «Природа» и «Его глаза» (в них он говорит о кружке четверговых прогулок) были в памяти доживающих за рубежом свой век «одесситов», но есть ли таковые еще и теперь. Ведь им должно было бы быть больше 80 лет. Думаю, даже уверен, что в публичной библиотеке г. Одессы, да и в книжных шкафах частных лиц найти там их можно.

Я позволю себе поделиться с Вами своими мыслями о тех пейзажах, которые писал П. А. в пору моего знакомства и сближения с ним в Одессе. Они были особенные и выделялись на фоне обычных экспонатов одесских «выставок» и по замыслу, и по краскам, и по настроению — словом по всей своей композиции. Я сказал бы, художник находился тогда в полосе влечения к тому особенному им, художником, творимому пейзажу, в котором он, не нарушая границ наблюдаемого им в природе, давал бы зрителю повышенно романтическое настроение — соответствующее мечтательности, разочарованности, тревоги, одиночеству. Большие тихие деревья старых парков (парк дачи Маразли), обрывы над морем, тяжелые тучи перед грозой, и сумерки, мраморная урна на колонне, молчаливые дамы в кринолинах — вот мотивы, вот те аксессуары, которые запечатлелись в моей памяти и которые в разных сочетаниях воспроизводились им в его творчестве. Нельзя забывать, что вокруг Одессы на десятки, сотни верст тянулись голые степи... сплошная равнина.. мало чем природа эта могла бы ответить запросам-потребностям декоративного чувства художника, особенно насмотревшегося в своих путешествиях и по России, и по Западной Европе на иные «виды» и в природе, и на полотнах больших мастеров-пейзажистов. Картины-пейзажи, творимые П. А., — их красочные гармонии и контрасты, их настроения, слегка мечтательные, слегка меланхолические, нравились и публике, и критике, их отмечали и обсуждали — они имели успех в Одессе, а потом и за границей в разных странах и даже во Франции, где молодые таланты, отворачиваясь от традиций прошлого времени и даже вчерашнего дня, уже искали — каждый на свой

лад – новые пути творчества. В картинах этого периода, и особенно в тех, которые были им созданы еще до выезда из России, П. А. отвечал своим внутренним переживаниям, уводя и себя, и зрителя от прозы обывательского существования, от обыденности, от прозаичных и грубых впечатлений городского шума и суеты. Кто мог бы позволить себе корить его за это?.. Но в нем продолжала жить и действовать и другая, по-иному властная, здоровая любовь к природе. Как перед собой, вижу я его тогдашние этюды. С какой углубленной наблюдательностью и чувством краски и колорита выполнял он свои «этюдные» работы! И здесь, в долгие годы зарубежного существования, он продолжал «творить» их. Как когда-то на одесском Большом Фонтане, так и тут я имел большое удовольствие присутствовать при его «этюдной» работе. Счастлив был бы любитель, который смог бы обладать хоть несколькими из них! Раньше я уже выражал Вам благодарность за те часы, которые я провел у Вас, рассматривая Вашу чудную коллекцию этих так называемых «этюдов», а в сущности законченных пейзажей-миниатюр, которые воскрешали в моей памяти и Похитоновские пейзажи, и этюды К. К. Костанди, и некоторые малого размера работы Серова, Дворникова и даже Левитана. Объединяет в моей памяти о них то общее им всем серьезное, ответственное отношение к своему искусству – никакого «абы-как» или «как-нибудь», а главное, что при всем различии своих талантов каждый из них, сохраняя свой индивидуальный вкус и понимание, давали образцы, достойные подражания других.

Заканчивая свое писание, очень прошу Вас, дорогая Берта Соломонова верить моей искренней преданности Вам.

Павел Михайлов.

Публикация Виталия Абрамова